

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая. Архимед и вселенная	5
Глава вторая. Предостережение	23
Глава третья. Время еще не пришло	37
Глава четвертая. Медлительна надежда, быстрокрыл случай	56
Глава пятая. Первые капли цикуты	68
Глава шестая. Обманщик и благодетели	82
Глава седьмая. Длинные ноги лжи	102
Глава восьмая. Свержение Птолемея	118
Глава девятая. Горечь победы	135
Глава десятая. Ненависть рождается в спорах	158
Глава одиннадцатая. И на Солнце есть пятна	168
Глава двенадцатая. Последний довод	185
Глава тринадцатая. Соломоново решение	206
Глава четырнадцатая. Принуждение к притворству	233
Глава пятнадцатая. Час его пробил!	253
Глава шестнадцатая. «Будьте мудры, как змии...»	265
Глава семнадцатая. Законность произвола	283
Глава восемнадцатая. Умереть стоя или победить на коленях?	304
Глава девятнадцатая. «Тюрьма моя, Арчетри...»	329
Глава двадцатая. «Вычеркнут из книги живых?»	347
Глава двадцать первая. А все-таки она вертится!	366
Основные даты жизни Галилея	379
Краткая библиография	381

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Если бы не Пинелли, то неизвестно было, как выйти из затруднения. Нанять жилье Галилей сразу не мог, а надо было готовиться к вступительной лекции. Пинелли пригласил его к себе.

Падуанский университет, хотя расцвет его и был позади, оставался одним из крупнейших в Италии. Галилей был зачислен на отделение свободных искусств. Там учились будущие теологи, философы и медики. Математика считалась обязательной как для медиков, так и для философов. Однако ценили ее в университете мало, и математики получали, как правило, значительно меньшее жалование, чем профессора богословия или философии.

Учебный год начинался в первых числах ноября. Но Галилею разрешили приступить к преподаванию с некоторой задержкой. Первой лекции, читавшейся при вступлении в должность, придавали особенное значение: преподаватель должен был оправдать сделанный университетом выбор. Галилей тщательно к ней готовился. В доме Пинелли он был избавлен от всех забот. К его услугам огромная библиотека.

7 декабря 1592 года Галилей с блеском прочел свою вступительную лекцию.

Начались будни. Он не хотел злоупотреблять гостеприимством и при первой же возможности снял домик. В Падую он приехал вместе с Микеланджело, ибо во Флоренции тому не на что было жить. Аббат соседнего монастыря, большой любитель математики, узнав, в каком положении находится Галилей, поспешил ему на помощь, снабдил его домашней утварью, дал кровати, стулья. Это было тем более своевременным, что к Галилею стало приходить много народу. С таким собеседником не хоте-

лось расставаться: гости оставались обедать или ужинать. Долги росли.

Преподавание в университете особой радости ему не доставляло — читать он должен был довольно элементарный курс.

С людьми Галилей сходилась легко. Вскоре среди преподавателей у него появилось немало добрых знакомых, в том числе и Чезаре Кремонини, ведущий профессор философии. Кремонини был кумиром студентов. Его считали первым перипатетиком Италии. Кремонини нравился Галилею, хотя взглядов его он и не разделял. Помня об осторожности, он читал математику и в философские диспуты не ввязывался.

В феврале 1593 распространились слухи, что правительство республики согласилось выдать римской инквизиции обвиненного в ереси Джордано Бруно.

Среди людей, с которыми общался Галилей, было немало тех, кто знал о нелегкой жизни неистового Ноланца.

Еще в детстве в окрестностях родной Нолы Бруно любил глядеть на звезды. Интерес к загадкам мироздания он сохранил навсегда. Молодой доминиканец, которому прочили блестящую карьеру, жаждал духовной свободы. Он бежал из монастыря и обрек себя на скитания. Смысл человеческой жизни он видел в познании истины и борьбе за ее торжество. Чтобы победила «философия рассвета», основанная на изучении природы и вере в разум, надо будить дремлющие души!

Бруно восхищался гением Коперника, хотя и ставил ему в упрек, что тот не сделал обобщений, которые вытекали из его же собственного учения. Оставив философам вопрос о конечности или бесконечности вселенной, Коперник принял, что мир ограничен неподвижной сферой фиксированных звезд. Это Бруно считал ошибкой. Не только Земля и известные нам планеты движутся вокруг Солнца, провозглашал он, — миров неисчислимое множество и вокруг тысяч и тысяч солнц вращаются свои земли.

Ноланец не был астрономом-практиком. Для него, философа, вопрос о движении Земли был вопросом мировоззрения. Всякое толкование теории Коперника в условно-предположительном смысле недопустимо: оно извращает ее суть и делает из учения, могущего послужить переворо-

ту в сознании людей, абстрактную схему. Мысль человеческая, прикованная к Земле как центру мироздания и единственному в космосе средоточию жизни, должна вырваться за пределы вымышленных сфер!

В ту пору, когда католические инквизиторы словно соревновались с инквизиторами-протестантами в богоугодном искоренении еретиков, многие, защищая истину, прибегали к эзопову языку. Ноланец в совершенстве владел искусством иносказаний. Иносказания были оправданы, когда речь шла о религии и нельзя было говорить без обиняков. Но Коперник не стал еще запретной темой, и Бруно этим пользовался.

Он рано понял, какое значение для торжества Коперниковых идей имеет сокрушение физических воззрений перипатетиков. Бруно подверг пересмотру господствующие представления о вселенной и важнейшую часть философии Аристотеля — его учение о движении, закладывая тем самым философские основы новой физики.

Для Бруно, мечтавшего о победе «философии рассвета» над религиозным мышлением, было особенно важно настаивать на объективном характере учения Коперника и развивать свою мысль о множественности миров. Не удивительно, что стоило ему появиться, как тут же распространялась молва: Ноланец-то атеист, ниспровергатель испытанных временем истин. Это повторялось повсюду: в Тулузе и Париже, Оксфорде и Лондоне, Виттенберге и Праге, Хельмштедте и Франкфурте-на-Майне, на воле и в тюрьме.

В 1591 году, находясь в Германии, Бруно получил письмо от Джованни Мочениго. Тот, обещая покровительство, звал его в Венецию. Мучила тоска по родине, и Джордано принял предложение.

Мочениго пригласил его не из любви к философии. Он верил, что Бруно сведущ в оккультных науках, и надеялся с его помощью добиться могущества. Бруно отказался посвящать его в тайны магии. Взбешенный Мочениго написал донос и выдал Ноланца инквизиции.

Бруно отвергал обвинения в ереси. Опасаясь, что следствие затянется и в руки инквизиторов попадут его изданные за границей книги, он признался в кое-каких прегрешениях и согласился покаяться. Но тут вмешалась римская инквизиция. По настоянию папы Бруно переправили в Рим.

Первый учебный год в Падуе подходил к концу. На летние каникулы Галилей собрался ехать во Флоренцию и написал об этом матери.

«Я очень обрадовалась, — отвечала мать, — что вы хотите приехать в следующем месяце, но приезжайте не с пустыми руками, ибо Бенедетто, насколько я знаю, хочет получить свое, то есть обещанное вами, и сильно грозит, что велит вас схватить, как только вы сюда явитесь. На это он способен. Предупреждаю вас, хотя мне это и очень неприятно».

Какая заботливость! Бенедетто Ландуччи опять требовал денег в счет приданого, которое ему посулили перед свадьбой. Чтобы хоть частично удовлетворить законные притязания зятя, Галилей еще глубже залез в долги. С деньгами он мог отправиться на родину, не опасаясь неприятностей.

Галилей очень любил ездить в Венецию. Дух этого города, деятельного и гордого, пришелся ему по сердцу. Здесь не только были ученые общества, где велись горячие споры, и книжные лавки, набитые изданиями чуть ли не всей Европы, здесь были мастерские, которые могли составить славу любому городу. В этих мастерских, наблюдая за умелыми и красивыми движениями ремесленников, Галилей отдыхал душой от пустых словопрений университетских корифеев. Здесь, в горниле практического опыта, а не в игре с древними текстами, только и могла родиться новая наука!

Много лет спустя, вспоминая о своей жизни в Венецианской республике, о своих лучших годах, Галилей не забыл и об арсенале, огромных мастерских, где строились корабли и изготовлялось разнообразное вооружение. Сколько интереснейших наблюдений сделал он там, следя за работой прославленных мастеров! Беседы с ними доставляли ему большое удовольствие и будили его мысль. Нередко он оказывался в тупике, когда пытался, исходя из существующих объяснений, теоретически осмыслить тот или иной прием, упрощавший работу.

Посещения арсенала дали новый толчок его занятиям механикой, которые он начал еще в Пизе. Эта область знаний вызывала большой интерес у всех, кто хотел стать военным инженером или толковым военачальником. Га-

лилей начал читать в своем доме курс механики. Из этих лекций возникла специальная работа «Механика», служившая руководством для его слушателей.

В этом трактате Галилей занимался главным образом общей теорией простых машин. Природу, подчеркивал Галилей, нельзя обмануть. Насколько мы, применяя механические орудия, выигрываем в силе, настолько же проигрываем во времени и в быстроте!

Как никто из современников, Галилей сумел в практических задачах механики увидеть серьезные теоретические вопросы. Разрабатывая прикладную механику, он вместе с тем решал и важные физические проблемы.

В университете у него не было столкновений. Он читал то, что требовали попечители: излагал основы математики и знакомил студентов с Птолемеевой системой. На общепринятые взгляды Галилей в открытую не покушался. Он учился молчать.

Высказываться откровенно он позволял себе только в кругу самых близких друзей. Особенно он любил Джанфранческо Сагрето. Тот принадлежал к одной из знатнейших семей Венеции, отличался широтой интересов и независимым складом ума. Он был выше предубеждений. Благороднейшая душа! С ним можно было говорить о чем угодно.

Беда свалилась на него внезапно. Занятия в университете кончились — минул второй учебный год. На родину он не поехал: в Падуе к тому времени собралась приятнейшая компания. Стояла страшная жара, и единственным спасением было уезжать в деревню или искать прохлады в горах. Один из друзей уговорил Галилея отправиться к знакомым. Недалеко от Виченцы есть богатая вилла и в ней комната, которую специально приезжают смотреть. Восьмое чудо света! В самые мучительные августовские дни там царит вечная весна.

Действительно, в комнате было на удивление прохладно. Но особого чуда для этого не требовалось. В полу находился люк шахты, а та была соединена с пещерами заброшенных каменоломен, где всегда держалась ровная температура.

Хозяин старался угодить гостям. После пышного обеда он предложил им отдохнуть, Галилей и два его то-

варища заснули. Слуга открыл пошире люк. Из пещер веяло прохладой...

Для гостей, крепко спавших в «покое вечной весны», все кончилось трагически. Сквозняк ли оказался губительным или привязалась какая-то зараза? Или вдруг ядовитыми стали испарения в пещерах? Один из гостей умер через несколько дней, другой потерял слух и тоже вскоре скончался, а Галилей тяжело заболел. У него началось острейшее воспаление суставов. Лучшие врачи Падуи и Венеции пытались помочь, но в конце концов признали, что болезнь неизлечима и ему суждено всю жизнь нести этот тяжкий крест.

Острые боли часто мучили Галилея. На недели, а то и на месяцы укладывали они его в постель. Для него, деятельного и очень общительного, это было особенно трудным испытанием.

Он научился выдержке. И только в крайних случаях позволял болезни себя свалить. Другьям, знавшим о его недуге, трудно было поверить, что человек, который утром едва мог одеться без помощи слуги, пересилив боль, шел в университет, читал лекции и непринужденно шутил со студентами.

Болезнь стала его проклятьем. И школой мужества. Не жалуйся и, как бы ни было тяжело, продолжай свое дело!

Море! Приливы и отливы целиком завладели Галилеем. Картины отступающего и наступающего моря на всю жизнь запечатлелись в его сознании.

Он подолгу стоит на берегу или плывет по каналу в гондоле, наблюдая прилив. Он знает, где как поведет себя море, знает, когда большая волна войдет в канал Двух башен, знает, как взбухнет лагуна и как потом, при отливе, обнажатся далекие отмели. Галилей следит за отметками на мерных столбах, расспрашивает рыбаков, выросших на Адриатике, и бывалых капитанов, объехавших полсвета. Здесь есть над чем поломать голову. Недаром, по преданию, всезнающий Аристотель, отчаявшись найти причину отливов и приливов, решил покончить с собой и бросился с утеса в море.

Отвергнув физические аргументы противников Коперника учения, Галилей стал искать доказательные доводы в пользу гелиоцентрической системы. Раз Земля

движется, то и на самой Земле должны наблюдаться явления, которые не могут быть объяснены ничем другим, кроме этого движения! Он был убежден, что если бы не существовало движения Земли, то приливы и отливы не происходили бы так, как они происходят. Он думал найти здесь решающий довод в подтверждение Коперниковой теории. Ошибались те, кто пытался объяснить причину приливов и отливов лишь суточным движением земного шара. Такого одного простого и равномерного движения было бы, по мнению Галилея, недостаточно, чтобы вызвать наблюдаемые явления. Только движение неравномерное, то ускоренное, то замедленное, возникающее из сложения двух движений Земли — суточного и годового, — и могло бы породить приливы и отливы...

Венеция дарит Галилею наблюдение, весьма существенное для объяснения отливов и приливов, которое, как ему кажется, поможет окончательно решить вопрос о системе мира.

Вот одна из лодок, доставляющих в город пресную воду.

«Представим себе такую лодку, — писал позже Галилей, — плывущую с умеренной скоростью по лагуне и спокойно везущую воду, которой она наполнена; пусть затем она испытывает значительное замедление, вследствие ли посадки на мель или встрече какого-либо иного препятствия; при этом содержащаяся в лодке вода не теряет приобретенного ранее импульса так, как теряет лодка, но, сохраняя его, устремится вперед к носу, где заметно поднимется, опустившись у кормы. Если теперь, наоборот, той же лодке при спокойном ее движении сообщить новую скорость со значительным приращением, то содержащаяся в ней вода не сразу к ней приспособится, но, сохраняя свою медленность, будет отставать и собираться, поднимаясь у кормы и опускаясь к носу. Это явление установлено бесспорно, легко понятно и может быть проверено на опыте в любое время...»

На лекциях в университете Галилей излагал учение Птолемея, даже частным ученикам не читал о Копернике. Но все силы ума отдавал исследованию приливов и отливов. Он напишет свою «Систему мира» и докажет, что Земля движется!

Галилей очень многим обязан был Венеции, ее мастерским и ее водам.

В ученых кругах только и разговоров что о вышедшем в свет первом томе «Астрономической переписки» Тихо Браге. Величайший из астрономов доказывает, что мысль о движении Земли должна быть отринута!

Тихо Браге пользуется громкой славой. Созданные им инструменты позволили проводить наблюдения с точностью, прежде недостижимой. Обсерватории, которую с помощью датского короля построил Браге, нет равных в Европе. Два десятилетия из ночи в ночь проводил он свои наблюдения. Браге накопил огромное количество материалов, но с публикациями не торопился, откладывая на будущее самые значительные работы. Большой шум произвели его исследования новой звезды 1572 года и комет. Он доказывал, что новая звезда принадлежит небу фиксированных звезд. Тезис о неизменности неба был поколеблен.

Наблюдения убедили Тихо, что кометы появляются значительно выше Луны и поэтому их нельзя относить к «подлунному миру», как это делали до сих пор. Орбиты комет таковы, утверждал Тихо, что заставляют усомниться в существовании «хрустальных небес», к которым будто бы прикреплены небесные тела.

Браге не удовлетворен ни Птолемеем, ни Коперником. Как астроном он признает, разумеется, превосходство Коперниковой системы, но принять ее не может. Этому противятся и его физические воззрения, и еще более — представление о мире, созданном ради человека. Он не может согласиться, что Земля не центр вселенной, а лишь одна из планет. Вместе с тем он убежден, что планеты действительно вращаются вокруг Солнца, а не вокруг Земли. Как примирить это с Библией? Как использовать явные преимущества Коперниковой теории, оставив Землю в центре мироздания?

Тихо дает набросок своей системы: планеты вращаются вокруг Солнца, а Солнце с планетами — вокруг недвижимой Земли. И волки сыты, и овцы целы! Ученые приспособленцы всех мастей в восторге от «системы Тихо»: она позволяет пользоваться преимуществами Коперниковой теории, не принимая ее и избавляясь, следовательно, от нежелательных выводов.

Галилей изучил аргументацию Браге. Повторять доводы против движения Земли, высказанные еще Аристотелем и Птолемеем, не велика заслуга! Нет серьезных резонов, которые заставили бы предпочесть системе Ко-

перника «систему Тихо». Последняя рождена если и не одним страхом перед буквой Библии, то наверняка косностью мысли. Для Галилея не существует «системы Тихо». Вопрос по-прежнему стоит так: или Птолемей, или Коперник. Третьего не дано!

Один из курсов, который Галилей читал в университете, был посвящен фортификации. Необходимость найти способ облегчить расчеты заставила его задуматься над идеей пропорционального циркуля. Отдельные образцы этого инструмента были уже известны в разных концах Европы. Галилей придумал собственную конструкцию пропорционального циркуля, разработал много приемов его использования. Инструмент свой он назвал «циркулем геометрическим и военным».

Первые же образцы, изготовленные по его указаниям, вызвали живейший интерес. В доме Галилея все чаще стали появляться дворяне, как его соотечественники, так и иностранцы, жаждавшие приобрести удивительный инструмент. Число желающих прослушать у него частным образом тот или иной курс росло.

Университетские профессора обычно вынуждены были заниматься и частным преподаванием. Наиболее удобным считалось, чтобы ученики, нередко молодые вельможи со своими слугами, жили в доме учителя и находились у него на полном пансионе, за что, естественно, обязаны были платить.

Не поможет ли это избавиться от долгов? Галилей решил попытать счастья с учениками-постояльцами. На него свалилось множество новых забот. Ему самому приходилось договариваться с поставщиками продуктов и вести счета. В доме стало многолюдно и шумно. Через его руки проходило теперь значительно больше денег, но облегчения он не почувствовал. Долги не уменьшались.

«Геометрический и военный циркуль» пользовался большим спросом. Галилей нанял мастера, который изготовлял их по его чертежам. Продолжая совершенствовать свой инструмент, книги о нем он не издал, хотя и составил руководство, как им пользоваться. Копию этого руководства он вручал каждому, кто, прослушавши курс, приобретал его циркуль. Дабы обеспечить достаточное количество списков, Галилей некоторое время даже держал в своем доме специального переписчика.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения
невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ

Эту книгу вы можете прочитать
в Оренбургской областной универсальной
научной библиотеке им. Н. К. Крупской
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел. для справок: (3532) 77-08-50

